

въ церкви алчуть, они, увлекаемые любостыжаніемъ, коварно завладѣвають братскими доходами и давая чаще займы, увеличиваютъ свои барыши“. (О падш. VI гл.). Во избѣжаніе подобныхъ злоупотребленій, въ епископы избирались такія лица, которыя стояли внѣ всякаго подозрѣнія, и это тѣмъ болѣе возможно было, что епископовъ избирали весь клиръ и міряне (Соз. Цер. Ист. II, 17; VI, 2).

Евгеній Цвѣтковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Со страницъ литературы и жизни.

XV.

Продолжимъ о «христіанствѣ» новоязычника Вас. Вас. Розанова. Мы уже видѣли, чѣмъ представляется въ его пониманіи «та великая благочестія тайна, (что) Богъ явился во плоти» (1 Тим. 3, 16), и къ кое мѣсто въ промыслительной дѣятельности Божіей о спасеніи людей отводитъ онъ Сыну Божію и Его дѣлу—воплощенію, снисхожденію до креста и смерти, искупленію.

Онъ, г. Розановъ, не только не видитъ въ Немъ, въ Сынѣ Божіемъ, рожденномъ отъ Маріи-Дѣвы, Того Агнца, который «грѣхи наши носить и о насъ болѣзнуетъ», какъ говорили о Немъ древніе пророки (Ис. 53, 7; см. Дѣян. 8, 32—35), но онъ никакого *положительнаго* значенія въ исторіи міра, въ движеніи христіанской мысли и жизни за Христомъ не признаетъ и не видитъ.

Разсматривать христіанство простой «выжимкой» благородныхъ чувствъ благороднаго человѣческаго сердца—это значить не просто унижать Искупительную Жертву Агнца—Христа, и попирать Кровь Новаго Завѣта, но больше—открыто посмѣяться надъ этой жертвой... *Это—хуже язычества...*

На этотъ разъ г. Розановъ, писатель—20 вѣка, обнаруживаетъ меньше прозорливости, чѣмъ дѣйствительные язычники далекой отъ насъ, дохристіанской эпохи—Греки, Персы, Китайцы. Ихъ письменность оставила намъ подлинныя документы тѣхъ чувствъ—ожиданія и почти тоски, съ какими они ждали будущаго Просвѣтителя и Учителя. Вотъ мысли Китайцевъ:

«Святой святыхъ, *имѣющій родиться на западѣ*, все видитъ, все знаетъ. Каждое слово истинно. Каждая мысль Его назидательна. Онъ всему сообщитъ новую жизнь. Сколько дастъ Онъ новыхъ законовъ и обязанностей! Въ цѣломъ мірѣ возвѣстится имя Его. Лучи славы Его проникнуть къ самымъ отдаленнымъ

народамъ, въ самыя неприступныя пустыни. Всѣ народы, подобно намъ, ожидаютъ Его, какъ засохшія поблекшія растенія ожидаютъ росы. О если-бы скорѣе пришелъ Онъ и утѣшилъ людей!.. (Христ. Чт. 1838 г. т. 3, стр. 63).

При свѣтѣ такихъ ярко выраженныхъ чувствъ языческихъ народовъ, по своимъ ожиданіямъ ближе стоявшихъ къ Христу—общему Утѣшителю людей, чѣмъ иные писатели нашего времени стоятъ къ Пришедшему Искупителю міра, становится такъ понятнымъ гимнъ старца Симеона, провидѣвшаго въ Чудномъ младенцѣ тотъ именно моментъ, о которомъ говорилъ другой пророкъ. *«Народъ, ходящій во тьмѣ, увидитъ свѣтъ великій... Ибо младенецъ родился намъ—Сынъ данъ намъ; владычество на раменахъ Его, и нарекутъ имя Ему: Чудный, Советникъ, Богъ крѣпкій, Отецъ вѣчности, Князь мира...»* (Ис. 9, 6).

Такимъ образомъ задолго еще до дѣйствительнаго воплощенія Самой небесной Истины («Я есмь Истина»...) лучи ея по необходимости сходятся въ одномъ фокусѣ, или въ одномъ центрѣ—въ Личности ожидаемаго Примирителя.

Но и при наличности этихъ чувствъ и мыслей, никто не рѣшится утверждать: еще не было Христа, а христіанство уже было...

Нелѣпость такого утвержденія была-бы ужъ слишкомъ очевидна!..

Но еще *нелѣпѣе* утвержденіе обратное, то именно, которое и дѣлаетъ «объяснитель» христіанства г. Розановъ, именно: есть и двѣ тысячи лѣтъ уже прошло, какъ появилось христіанство, христіане, но самъ Христосъ тутъ не при чемъ.

«Все дѣло въ благородныхъ чувствахъ благороднаго чело-вѣческаго сердца!»..

Не подумайте, что мы утрируемъ, доводимъ *ad absurdum* мысль благороднаго пера Василия Васильевича.

Въ этомъ нѣтъ нужды: читайте его самого. Вотъ увидѣлъ онъ въ Крымскихъ горахъ, на утесѣ прилѣпилась церковка. Истинный христіанинъ, разумѣется тотчасъ вошелъ-бы въ эту церковку. Нагелъ-бы какойнибудь потемнѣвшій старинный ликъ Божіей Матери или Николая Чудотворца; помолился-бы предъ нимъ мытаревой молитвой, а потомъ, облобызавши ликъ Заступницы, утѣшенный вышелъ бы къ сіяющему южному солнцу и еще живѣе, чѣмъ прежде, воспринялъ-бы красоту Божьяго міра...

Но благородное сердце язычника-христіанина начинаетъ размышлять: зачѣмъ это прилѣпилась церковка въ такомъ нелюдномъ мѣстѣ?

И въ отвѣтъ предъ вами проходитъ цѣлая серія философскихъ абсурдовъ. «Очевидно, что эта церковь въ крымскихъ горахъ построилась не потому, что «богочеловѣчество Христа соединилось съ сыновствомъ», а по *чему-то совсѣмъ другому*. Почему? Да потому, что былъ *прекрасный человѣкъ*. Что онъ чувствовалъ, какъ думалъ,—тайна: но эта церковь въ такомъ *пустомъ мѣстѣ*, ни для себя и ни для кого, очевидно она вылилась не потому, что «богосыновство соединилось съ богочеловѣчествомъ», а изъ строя души, необыкновенно полюбившей спокойствіе и удивленіе, необыкновенно сознавшей ненужность суеты... Да и всегда-то храмы ставились не во имя Бога, а во имя того, „на чемъ остановился человѣкъ мыслью“.

Храмы строили тишинѣ и созерцательности.
Храмы строили страданію человѣческому.
Храмъ строилъ тотъ, кто терялъ *дочь, сына, мать, жену*.
Скорби своей, радости своей—всему строилъ *человѣкъ* храмъ.

А сказали, что «храмы эти построились *оттого*, что богосыновство соединилось съ человѣчествомъ» и что «при Понтійскомъ Пилатѣ» и проч. *Да вовсе не этому* строили храмы: а тернистому пути человѣческому, всей мукѣ человѣческой, слезамъ человѣческимъ и, наконецъ, солнцу человѣческому (радости).

Дерево дало камедь. Дерево—человѣкъ. Камедь окаменѣла: это и есть «христіанство». Т. е. такъ названо“.

Мало этого, Христось, по мысли г. Розанова и не нуждается въ нашихъ храмахъ, нашихъ жертвахъ, въ этихъ тихо теплящихся лампадахъ... И въ Египтѣ онѣ—эти лампы были... Стало быть *никакого* отношенія онѣ, какъ и весь ритуаль церковный, къ христіанству не имѣютъ.

„Если мы возьмемъ то, что всемірно считается патетическимъ центромъ Евангелія,—Нагорную проповѣдь, то совершенно нельзя постигнуть, какимъ образомъ *отъ нея* можно придти къ *порыву* построить церковь. «Блаженны чистые сердцемъ, ибо они *Бога узрятъ*», „блаженны нишіе духомъ, ибо ихъ есть *царство небесное*“, «блаженны вы, когда васъ будутъ гнать», и проч. Такъ „Бога узрять“, и „царство небесное“—это совсѣмъ не то, что я ставлю восковую свѣчу и кладу поклонъ передъ образомъ. *Тутъ нѣтъ связующаго*. I. Христось конечно разрушалъ наличный религиозный культъ, который былъ при немъ.

Онъ первымъ же шагомъ своего выступленія на проповѣдь сдѣлалъ опрокидываніе этого культа, какъ и потомъ во всѣ три года ученія всегда отрицалъ *ритуаль* и *форму*, безъ которыхъ, конечно, вообще никакого культа нѣтъ и онъ невозможенъ. По-

пробуйте въ нашихъ условіяхъ, служить обѣдню то утромъ, то вечеромъ, „по благодатному влеченію сердца“, или пѣть за все-нощной то, что полагается пѣть за литургіей, и наоборотъ, смотря «по настроенію души»,—подавать просфоры за все-нощной, и проч. и проч.,—и конечно въ этомъ „благодатнымъ духомъ“ все православіе разрушите. Церкви не останется. Не останется порядка и формы. Ничего не будетъ. Но я договарю: Онъ разрушилъ *единственное и все въ чемъ состоялъ ветхозавѣтный культъ*.. Вотъ къ этому культу, *ежедневному, какъ наша литургія, І. Христосъ никогда не примкнулъ*: и въ Евангеліи дѣйстви-тельно поразительно, что Онъ *нигдѣ и ни разу* не принесъ въ храмъ жертвы, что было обязательно, какъ для насъ «сходить къ обѣднѣ» или „зажечь въ дому лампадку“. Что касается «празднованія пасхи», то вѣдь Христосъ „смирень сердцемъ“ былъ,—и этотъ уже совершенно неизбѣжный праздникъ, пренебреженіе которымъ было бы такъ сказать «объявленіемъ возмущенія», началомъ «религіозной войны».

Мы выписали рядъ Розановскихъ положеній, что-бы предъ читателями самъ собою опредѣлился одинъ вопросъ, имѣющій прямое отношеніе къ личности нашего философа. Хочется спросить его объ одномъ: что этотъ, свободный истолкователь дѣла Христова: вѣрить-ли онъ и пытается-ли сознательно уяснить себѣ мессіанскій смыслъ этого дѣла или нѣтъ? Если онъ въ христіанствѣ видитъ и знаетъ этотъ смыслъ, то онъ долженъ признать эти свои разсужденія до послѣдней степени ложными и праздными: вѣль и тому, кто знакомъ хотя-бы съ азбукой христіанства, хорошо и доподлинно извѣстно, что міровое и историческое значеніе Христа опредѣляется отнюдь не такимъ фактомъ, какъ изгнаніе корыстныхъ торгашей изъ храма. Но святость храма и жертвы (не по формѣ ея, а по существу, по идеѣ заложеной въ нее) Иисусъ Христосъ не только не умилилъ, но лишній разъ подтвердилъ Своимъ непреложнымъ словомъ: „домъ Мой—домомъ молитвы долженъ быть для всѣхъ народовъ“... Совершалъ пасху сначала ветхозавѣтную, а потомъ и Свою—новозавѣтную установилъ, конечно, не потому, какъ думаетъ г. Розановъ, что пренебреженіе ей было-бы «началомъ религіозной войны», а совѣмъ по инымъ побужденіямъ, которыя и Самъ Христосъ отчасти объясняетъ; полнѣе-же смыслъ этотъ раскрываютъ Апостолы и особенно изъ нихъ—Павель апостоль въ 9 и 10 главахъ своего посланія къ евреямъ.

Если все это знаетъ г. Розановъ, то онъ долженъ, обязанъ сознаться не въ своей только совѣсти, нѣтъ, а предъ лицомъ соблазняемыхъ имъ читателей, на слово довѣряющихъ и ему,

сознаться, что въ своихъ разсужденіяхъ о «благодатномъ духѣ» при подачѣ просфоръ за всенощной—онъ *праздный и сознательно-жизвий пустословъ*.

Если-же онъ въ христіанствѣ совсѣмъ не знаетъ, не видитъ и не хочетъ знать опредѣленной мессіанской идеи, если дѣло Христа-Богочеловѣка онъ сводитъ лишь къ разрушенію *всякаго* культа, то, скажите, чѣмъ этотъ невѣжественный въ азбукѣ христіанской пустословъ выше рядового язычника?

Не выше, а ниже язычникомъ. Потому что и они видѣли опредѣленный смыслъ въ своемъ религіозно-богослужебномъ культѣ.

Поставили же афиняне жертвенникъ и Тому Невѣдомому Богу, Котораго потомъ благовѣствовалъ имъ божественный Павель.

Стало-быть и язычники хоть на одинъ шагъ, на одинъ метръ, а подвигались къ Истинному, хотя и Невѣдомому для нихъ Богу...

А въ наше время невѣжественная мысль г. г. Розановыхъ опрокидываетъ эти жертвенники Истинному и Вѣдомому Богу...

Если это не язычество, тогда что-же язычество? И Церковь, по мысли г. Розанова, это не спасительный ковчегъ Христовъ, въ которомъ спасаются дѣти Божіи отъ вѣчной гибели, не тѣло Христово, пріобрѣтенное Имъ цѣной Своей безцѣнной крови (Еф. 5, 25—27 и 3, 9—11 ст.), а просто какое-то большое сито, которое утрясаетъ собою всё шероховатости (и опять ложь, замѣчу Розанову: «Духъ одинъ,—а дары различны... равненіе всѣхъ и «утряска» совсѣмъ не входитъ въ задачу церкви Христовой). А у Розанова и выводъ въ этомъ смыслѣ готовъ. Вотъ его слова:

«Церковь, такимъ образомъ, въ великомъ строительствѣ дала способъ всѣмъ жить, все какъ-то «утрясла» и «уладила», стесала углы, подломила шипы, предупредила чудовищныя коллизіи, столкновенія. Древо жизни, великое древо-человѣкъ давало все сокъ и сокъ, пахучій, вкусный; сокъ затвердѣвалъ, пріобрѣталъ формы. Я сказалъ, что *ни по одному* изъ евангельскихъ мотивовъ невозможно прійти къ идеѣ построить церковь. По этимъ мотивамъ только штундисты собираются. Храмы всѣ вообще построены по великимъ чувствамъ, живущимъ въ человѣкѣ»...

Нѣтъ, г. Розановъ самый откровенный идолопоклонникъ: *изъ переживаній сердца онъ сдѣлалъ себѣ мысленнаго фетиша и за нимъ совершенно не видитъ Христа.*

Свящ. А. Ушаковъ.